

О Ч Е Р К И

Бор. Речин

МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ

1.

Вот уж чего раньше не бывало: Анатолий сам поднялся с постели...

Обычно же он валялся в кровати, пока мать не растормошит: «Толик, опять проспичь школу! В восьмом классе, а хуже ребёнка... И когда уж ты возьмёшься за ум!?»

Анатолий, слушая мать, молча уставится на неё застанными глазами или пробурчит: «Никуда твоя школа не денется... И без школы люди живут припеваючи».

Уж лучше бы молчал! Неуважительные рассуждения сына о школе пугали Анастасию Алексеевну. Материнское чутьё ей подсказывало, что тут не обошлось без влияния шалопая Тольки. Да за какие же грехи судьба так жестоко наказывает её, Анастасию Алексеевну, послав сыну такого дружка, как этот Толька, чтоб ему пусто было!

Что же случилось в этот день, когда Анатолий вдруг вполне самостоятельно очнулся от сна?

За окном крупными хлопьями падал снег; рыхлые снежинки-звёздочки носились в воздухе, будто пушинки. Анатолий нетерпеливо бросился к окну.

Первый снег. Первый по-настоящему зимний день.

«А голуби мои не помёрзли?» — Эта тревожная мысль подхлестнула Анатолия. Он наскоро надел старую куцую суконную курточку защитного цвета, которая подчёркивала стройность фигуры рослого парня; высокий рост придавал ему «самостоятельный» вид и, возможно, поэтому, кроме матери, никто его не называл Толиком, а все именовали по-взрослому — Анатолием. Пулей вылетел он во двор.

— Анатолий! — послышался звонкий голос соседа-одноклассника, у которого имя тоже Анатолий, но почему-то его все запросто зовут Толькой. — А я своих уже вспугнул...

Анатолий, прищуривая глаза от непривычно ослепляющего блеска снега, мельком посмотрел на стайку летающих Толькиных голубей, проворно взобрался на чердак и выпустил на волю своих. Голуби мгновенно взвились в поднебесье и закружили.

Парни недавно обзавелись голубями. У Анатолия их было пять, у Тольки — семь. Возня с ними была им внове, увлекала.

Между прочим, несмотря на то, что тётки жили по соседству, учились в одной школе и в одном классе, но по-настоящему сдружились только теперь, став голубятниками. До того они даже недолгоблывали друг друга. Может быть, потому, что мать Тольки работала в станичной чайной и, конечно, он ни в чём не нуждался, а у Анатолия мать — сборщица молока и имеет не ахти какой заработок, так что Анастасия Алексеевна не очень баловала своего Толика. Но больше всего не нравилось Анатолию разухабистое бахвальство Тольки, который чуть ли не гордился тем, что от него частенько пахивало табаком и хмельным. И учился он так себе. Словом, Анатолий, внимая предостерегающим советам матери, долго избегал сближения с Толькой. В восьмом классе они очутились за одной партой и вдруг стали неразлучными друзьями: всюду вместе, всё сообща, горести и радости — пополам. По общему уговору обзавелись голубями. И как-то случилось, что Анатолий перестал замечать то, что так не нравилось ему в поведении Тольки. Начав вслед за Толькой водить голубей, Анатолий закрыл глаза на «штучки» приятеля, а потом и сам стал «откалывать номера».

Голуби долго держались в воздухе, не скрываясь с глаз наблюдавших за ними Анатолия и Тольки. Потом ребята горячо заспорили о достоинствах своих голубей, чуть не подрались, а когда опять подняли головы — голубей не увидели.

Никогда голуби не отлетали так далеко от своих жилищ, чтобы потеряться из виду. Искать их надо немедленно по горячим следам! Но вот беда, уже пора в школу. Толька высказался за то, что

им сегодня не до того. Потом можно оправдаться. Случилось, мол, несчастье: кто-то сманил две стаи голубей. Нельзя же такое дело оставлять без внимания! Причина как будто уважительная. И Анатолий поддержал приятеля.

Прихватив «для отвода глаз» книжки—в школу, мол, пошли,— приятели пустились на поиски пропавших голубей.

Розыск ничего не дал. Где только они ни побывали — нет голубей, как в прорубь канули.

Анатолий в этот день домой не пошёл. В тяжёлые минуты надо быть с другом: он остался ночевать у Тольки. Мать Тольки возвращается с работы поздно, когда закрывается чайная. Им здесь никто не помешает «переживать» утрату двух стай голубей. Лежат друзья рядом на широкой кровати и горюют: ни вертуна, ни белокрылого... Но так длилось не долго. Толька оказался гостеприимным и запашливым соседом: нашлось по чарке «успокоительных капель» и по папироске. Анатолий, кривясь и морщась, задыхаясь и кашляя, выпил стопку вина и закурил.

Однако всё это не заглушило тревоги. И не только за судьбу голубей.

— Ты, Толька, думаешь, в школе нас по головке погладят?— раздумчиво спросил Анатолий, когда их обоих стала одолевать дремота.— Директор вызовет мать...

— Ну и пусть!— возразил Толька.— Мне не первый раз пропускать уроки. Я тебе вот что скажу: мне вообще надоела школа. Захочу — и совсем не буду ходить... Что мне твой директор?! А то: кончай десятилетку, а потом ещё пять лет в институте... Как будто без всего этого нельзя прожить. Ого-го, ещё как можно! И восемь классов — это тоже не пустяк. Кроме того, я ведь такой, что везде пролезу, устроюсь... В колхоз или энтээс меня не заманишь — дураков нет! Я не хуже матери сумею... Ты знаешь, какое у неё образование? Так она же меню толком не напишет! А работает — дай боже!.. Потом: как будто обязательно нужно работать? А что меня мать не прокормит? И мало ли так живут? Ты посмотри: Виктор окончил семь классов и прохлаждается себе на порожках сельпо. А Владимир? Из пятого класса ушёл. Ни он, ни мать не копаются в навозе, не глотают пыль у комбайна, не гнут спину на кукурузе, а живут так, что я тебе дам. Базар рядом — чего же дремать... Да что там говорить! Вон Таисия окончила десять классов, а в институт не приняли и сидит дома. Работать ей неохота. Так и говорит: «Стоило столько учиться, чтобы с навозом возиться»... А что, скажешь, неправильно говорит? Хоть кто так же скажет.

— Об этом и я думал,— откровенничал Анатолий.— В институт мне не попасть. Просто я не смогу учиться. Ты же знаешь мою мать. Она не сумеет мне посылать деньги в институт. Ей самой уже надо помогать... Тут уж хочешь — не хочешь, а придётся научиться самому зарабатывать... Было время — захотелось стать лётчиком. Потом размышлялся пойти в киномеханики... И теперь, скажу тебе честно, мечтаю управлять самолётом или киноаппаратом... Только мне вообще хочется работать. Что я — маленький! А где — в колхозе или энтээс — не всё ли равно. Были бы дела по душе!

— Ишачить?—Толька аппетитно зевнул.— Это без меня...

Они уснули с разными мыслями.

2.

Анатолий хорошо знал привычку директора: Анастасию Алексеевну действительно вызвали в школу. Мать должна знать, что её сын стал хуже учиться, а вчера совсем не явился. Способный мальчик портится. На уроках плохо себя ведёт. Как подружился с Толькой, так и пошло. Толька на уроке рисует карикатуры на педагогов, а Анатолий громогласно покатывается со смеха... Школа кое-что предприняла со своей стороны: друзья рассажены на разные парты. Нарушителям дисциплины педагогический совет сделал предупреждение.

Не в первый раз за последнее время приходилось Анастасии Алексеевне являться по вызову в школу.

Горько ей слушать плохое об Анатолии... 1941 год. Отец Анатолия, старший лейтенант запаса, уезжал на Отечественную войну. На вокзале, прощаясь с семьёй, он поднял трёхлетнего сына над головой и сказал: «Расти, Толик, вот такой... А ты, Анастасия, береги его и дочурку нашу Светлану... Ставь их на ноги прочно! На войну ведь еду... Там всякое может случиться... Пока вернусь, будь им матерью и отцом... Пусть растут полезными для Родины!»

Не вернулся с войны отец, отдал свою жизнь за счастье Отечества и семьи... Нелёгкое вдовье житьё, но Анастасия Алексеевна, помня слова мужа, все свои силы отдавала детям. Как ни трудно было, но Анастасия Алексеевна не хныкала, дети ни разу не видели слёз на глазах матери... С каждым годом поднимаются дочь и сын: Светлана кончает десятилетку, Анатолий — в восьмом...

Со Светланой всё ясно. Но вот достанет ли сил, чтобы «справиться» с Анатолием? Он ведь такой стал: что хочет, то и делает. А директор школы требует, чтобы семья «держала в руках» подростка...

Анастасия Алексеевна несколько дней избегала объяснений с сыном. Анатолию это было на руку, он и сам старался не попадаться ей на глаза: как-нибудь обойдётся... В те часы, когда мать бывала дома, он отсиживался у друга. Толька, завсегдатай клуба, пристрастил и Анатолия к танцам. Они каждый вечер стали пропадать в клубе. А мать всё медлила с разговором; она думала об одном: как убедить сына хорошо учиться?

Тем временем нашлись голуби. Друзья почти уже свыклись с их потерей, почти забыли о них. И вот стайки неожиданно целёхонькие сами вернулись к хозяевам.

Радость друзей была безгранична.

Мать сердилась.

— Опять с голубями?— строго спросила Анастасия Алексеевна, найдя этот момент подходящим для обстоятельного разговора с Анатолием.— Значит, по Толькиным стопам подался? Неужели ты не видишь, что вокруг тебя? В станице техникум открылся... В училище механизации молодёжь обучается мастерству. Парни и девушки из дальних мест едут в Григориполисскую за образованием... А ты неучем хочешь остаться? Голубятник...

Анатолий внутренне был подготовлен терпеливо выслушать такое объяснение, но когда оно состоялось—сразу почувствовал себя виноватым.

— Причём тут голуби...— возразил он несмело. Ему явно было неловко перед матерью.—Я же учусь... Потом: сколько можно ходить в школу? Я хочу работать... И до каких пор носить дырявые ботинки и этот пиджачок с короткими рукавами?.. У Тольки всё есть, так и он хочет бросать школу и идти на работу... Зину Казакову мать тоже заставляла учиться в десятилетке, а она с семилетки пошла на ферму дояркой. Сейчас передовая доярка колхоза. Видала её портрет в газете? В Москву на выставку ездила... Думаешь, что я маленький и не вижу, что тебе надо помогать... А ты со своими голубями!

Анастасия Алексеевна не сдержалась, повысила голос:

— Работничек... по танцулькам! И эти ботинки до срока поистреплешь... Ты учиться не опоздай! Помогать ещё успеешь...— Мать вдруг сменила гневный тон на просительный, слёзы стояли в её глазах.— Толик, не знать мне покоя до последнего дня, если ты не окончишь десятилетку. Перед покойным отцом твоим буду виновата... Окончи среднюю школу! Так хотел отец... Теперь нельзя без этого... В любом деле пригодится грамотность. После десятилетки—там уж как знаешь: все дороги тебе откроются...

— Я хочу работать... Что я хуже Зины?!

Так ничего и не добились от сына в тот раз Анастасия Алексеевна. Дружба Анатолия с Толькой крепла. Они попрежнему вместе ходили в клуб. Но Анатолий постепенно остывал к танцам. Он, с детства мечтавший стать киномехаником, добился разрешения посещать киноклуб, где помогал демонстрировать фильмы. А Толька частенько забегал в чайную «подкрепляться» горькой. Нередко они делали это вместе. Само собой, курение стало привычным занятием. И учились всё хуже с каждой четвертью. Вскоре Толька исполнил своё намерение: ушёл из школы. Анатолий всё ещё учился. Но, продолжая общаться с Толькой, он в школу приходил сонный, дремал на уроках и на экзаменах провалился по геометрии...

Учителя склонялись к тому, чтобы отчислить и Анатолия из школы, не оставлять его в восьмом классе на второй год. Но потом сошлись на том, что окончательное решение этого вопроса отложили на осень.

3.

Лето Анатолий беспечно проболтался на Кубани: купался, загорал и... стал поигрывать в карты. Он, подражая Тольке, твёрдо решил расстаться со школой. Осенью намеревался пойти на работу. Куда? Всё равно куда, лишь бы работать.

Но Анастасия Алексеевна и не думала отступать. Когда начало занятий в школе уже было «на носу», она потребовала, чтобы Анатолий сдал экзамен и добивался перевода в девятый класс. Анатолий, избегая споров с матерью, всякий раз поспешно соглашался.

За неделю до 1 сентября Анастасия Алексеевна спросила сына:

— Был в школе?

— Это про геометрию? Сдал...

— Как?

Анатолий, потупив глаза, отвернулся.

— Потом скажут как...

Мать сердцем почувала обман. Пospешила в школу.

— Анатолий у нас не бывал,— сказал директор школы.

Толик обманул её, мать! Не чуя под собою ног, Анастасия Алексеевна помчалась домой.

— Кого вздумал обманывать! Я бьюсь-колочусь ради твоего счастья... Ах, ты, брехун несчастный... Где твои глаза?! Сейчас же в школу!

— Не пойду!— упрямылся Анатолий.— Всё учиться, учиться... Сколько можно учиться? Возьму вот и устройсь помощником киномеханика... Ты понимаешь, я почувствовал потребность работать! Не всем же академиками быть... А в школе мне стыдно оставаться. Как я буду смотреть в глаза учителям и товарищам. Я работать хочу!

Мать схватила сына за руку. И откуда у неё взялось столько силы! Она повела упирающегося Анатолия, который давно уже обогнал её ростом и силой, в школу.

— Ну, как же с ним, Григорий Алексеевич?— обратилась к директору школы взволнованная Анастасия Алексеевна. — Ведь Толику ещё учиться надо.

— Вы же сами убедились, что ваш сын не желает учиться. Потому и встал вопрос об отчислении Анатолия.— Говорил Григорий Алексеевич уверенно, как об окончательно решённом деле, о котором не может быть двух мнений.— Анатолий пропускал уроки. Недисциплинированно вёл себя в классе. Когда же ему было учиться, если он из клуба не вылезал. А в школе отвиливал от общественной работы. Грубил учителям. И с комсомольской организацией не считался. Сами посудите: можно ли вашего сына оставлять в стенах школы? Конечно, нет! Поэтому мы вынуждены прибегнуть к самой строгой мере.

Анатолий, переминаясь с ноги на ногу, весь зарделся от стыда. Он украдкой заметил, что мать, слушая директора, как-то вдруг осела, словно у неё подкосились ноги, ещё больше сгорбилась. Анатолий никогда не видел её такой слабой. Тяжело ей было слушать правду о сыне, для которого, собственно, она жила. Как бы хорошо вот сейчас провалиться сквозь землю от позора!

— Помогите мне, Григорий Алексеевич...— умоляюще попросила Анастасия Алексеевна.— Пожалейте меня... Помогите мне выполнить свой долг перед мужем, его отцом... Не дайте Толику сбиться с правильной дороги!

Анатолий впервые видел мать такой за все свои годы. Он знал, что она не растерялась даже тогда, когда получила из военкомата похоронную. В суровые дни она знала, что ей нужно делать, как себя вести: работала за двоих, за троих, кормила семью, самоотверженным трудом помогала фронту. А сейчас такая беспомощная в своей заботе о его, Анатолии, судьбе, о его счастье Анатолий в эту минуту сам готов был разреветься. Он отвернулся в сторону, чтобы директор не видел его лицо.

— Дело не в школе,— повторил директор.— Что мы можем сделать, если вас не жалеет родной сын... Дойти до того, чтобы обманывать мать! Поймите и то, что никудашнее это дело способного ученика оставлять на второй год в восьмом классе! И ещё вот что поймите: один он, Анатолий, может вам помочь. Ведь он уже парень не маленький. Пора отвечать за свои поступки... Комсомолец!

— Втемяшилось ему в голову, что он уже должен работать,— безнадежно проговорила Анастасия Алексеевна.— Это правда, живём мы без роскоши. Но учиться сыну есть полная возможность! Пусть он окончит десятилетку, чтобы на меня не обижался потом, когда... поумнеет.

— Работать?— раздумчиво произнёс Григорий Алексеевич.— А что же, это не плохо — работать. Не хочет учиться — пусть за какое-нибудь дело берётся... Была бы охота, а то можно и на пришкольном участке применить свои силы. В новом учебном году школьное опытное поле расширяется. И там вместе с колхозом дело поставим так, чтобы учащиеся, оканчивая школу, овладели какой-нибудь сельскохозяйственной специальностью, избранной ими по душе. Так что стремление трудиться — это у Анатолия хорошая черта... Только вот что я скажу: кто не хочет усердно учиться, тот в наше время не сумеет и успешно работать. Словом, всё зависит от самого Анатолия...

Анатолий нервно вскинул голову.

— Я буду хорошо учиться!— выкрикнул он ломающимся голосом, по-мальчишески теребя кепку сильными руками.— Маму вам не придётся больше вызывать в школу... Даю комсомольское слово!

4.

Когда Анастасия Алексеевна вернулась домой, Анатолий лежал на кровати. Его трудно было узнать: он побледнел, будто даже осунулся. И, кажется, только сейчас она заметила отчётливо выдающиеся скулы, короткий, слегка приплюснутый нос, непокорные тёмнорусые волосы. В чертах лица его появилось что-то новое, взрослое. Тут она поймала себя на мысли, которая пришла ей впервые, что сын её уже вырос. Да это же копия отца!

— Отец твой умел ценить и труд, и ученье,— сказала она тем тоном, каким, должно быть, говорят родители, когда вдруг обнаруживают, что их дитячко становится взрослым человеком.— Упрямства и у него хватало. А у тебя упрямство...

С минуту они посидели молча.

— За тебя и для тебя, дуралей, воюю...— уже почти спокойно проговорила Анастасия Алексеевна.— Так и знай: не окончишь школу — обесценится жизнь твоей матери, на все годы лишишь меня покоя...

Анатолий неделю провалялся в постели: захворал. И сон не сон, и еда не еда...

Однажды Толька зашёл проведать Анатолия.

— Ну, чего ты нюни распустил?— спросил Толька, демонстративно закуривая.— Наплюй... Я в школу совсем не пойду. Не намерен всяким... кланяться. Лучше поищу работёнку по вкусу. Свет без добрых людей — устроюсь. С умом нигде не пропадёшь!

— Не один ты работать хочешь... А знаешь, теперь и ученики будут работать,— живо вставил Анатолий, оставив без внимания «работёнку по вкусу».— Сам слышал, как директор говорил, что каждый школьник по окончании десятилетки занимает какую-нибудь сельскохозяйственную специальность. Старшие классы будут учиться и работать в колхозе... Честно говоря, ты знаешь, я никогда ещё не хотел так учиться! И страшно подумать: могут ведь и не принять... Жалко маму. Она у меня такая хорошая.

— Ну, и плевать!— озорно произнёс Толька, форсисто бросив окурочек к печке.— Чхни ты на школу и давай уедем куда-нибудь... Не век же держаться за мамкину юбку. Или тебе жизнь в станице нравится? Очень нужна мне ихняя навозная специальность, чтобы ишачить в степи... Для меня и почище служба найдётся! И ты подумай... Не хочешь думать? Ну, как знаешь... Дуракам закон не писан!

Вскоре Толька исчез из станицы. Никто толком не знал куда. Потом пронёсся слух, что он подался искать счастья на берегу Чёрного моря.

Анастасия Алексеевна подолгу засиживалась у кровати сына. Она хорошо понимала причину недомогания Анатолия.

«Замучили переживания,— сокрушалась Анастасия Алексеевна, скорбно глядя на сына.— Страшно ведь: а вдруг окончательно исключат?»

Мать наведальась в школу.

— Толика беда повалила в постель,— горестно проговорила она, обращаясь к директору.— От исключения заболел. Весь извёлся. Никогда не приходилось видеть таким больным. Боюсь я за него...

Директор доброжелательно улыбнулся.

— Могу вам сообщить не совсем приятную новость, хотя она лучше, чем отказ. Анатолий оставлен в школе условно. Но будет второй год ходить в восьмой класс.

Анастасия Алексеевна и этой «не совсем приятной новости» обрадовалась: ведь Анатолий будет учиться!

5.

Анатолий встретил первый звонок в уже знакомом восьмом классе. Стыдно! Но и тогда ещё, когда занемог и лежал в постели, хорошо представлял своё положение второгогодника, да ещё «условно» оставленного в школе. Так и есть: учителя предупредительно внимательны с ним и в то же время как-то настороженны, относятся к нему так, будто в классе больше им нечем заниматься. Новые товарищи-одноклассники не скрывали своего сочувствия, словно он всё ещё был больной. Его первого назначили дежурным по классу. Комсорг «прожужжал уши» насчёт стенгазеты.

Анатолий старательно дежурил по классу, работал в редколлегии стенной газеты, участвовал в художественной самодеятельности. И учился прилежно. Сначала его в этих делах подхлестывало данное обещание директору: «Маму вам не придётся больше вызывать в школу»... Да и положение

«условно» оставленного в школе ко многому обязывало. Но со временем Анатолий втянулся в общественную работу и почувствовал, что он нужный в школе человек. Это дорогое чувство он оберегал всем своим существом. Вскоре его назначили старостой класса. И как его слушались ребята! В классе образцовый порядок.

И не так уж много времени понадобилось, чтобы Анатолий избавился от тягостного чувства второгодничества. Но внутреннее беспокойство всё же не покидало его.

Дело в том, что школа с первого дня нового учебного года была полна...слухов. Школьников организуют в колхозную бригаду... Только те, кто учится в 8, 9, 10 классах, могут стать членами бригады. Их примут в колхоз. Работать будут, как взрослые — за трудодни. Дело добровольное: хочешь — иди в бригаду, не хочешь — как знаешь. Бригада будет действовать круглый год. Только не все попадут в бригаду: есть двойки — не возьмут, дисциплина хромает—и не просись. В школьный комитет комсомола надо подавать заявления. Кто достоин — тому вручат «комсомольскую путёвку», как целинникам. Если прославился плохим поведением, то и не портить бумагу на заявление...

Ни одного дня не проходило, чтобы не было об этом разговора среди учащихся. Но никто толком не знал, как оно будет на самом-то деле. И не только школьники, но и те, кто подал мысль создать детскую бригаду — руководители колхоза и школы,— не вдруг утвердились в определённом мнении.

6.

Нет дыма без огня...

Слухи в школе отражали большую работу педагогического коллектива и правления колхоза над тем, как практически осуществить политехнизацию сельской школы.

...Исчезновение недоучившегося Тольки из станицы и другие подобные случаи заставляли задумываться: чего-то не хватает в системе воспитания школьников.

Некоторые подростки, вроде Тольки, бросили школу и праздно болтаются по селу. На порожках сельпо частенько сидит, изнывая от безделья, юнец — косая сажень в плечах,— по уличному его кличут «верзилой». Ему уже восемнадцать лет. Ушёл из школы и ждёт, когда в колхозе освободится должность... кладовщика или по крайней мере заведующего клубом. О работе на прицепах или на ферме и слушать не хочет. Это всем станичникам известный Виктор, сын заведующего колхозным гаражом. Есть и ещё один Виктор. Тот до семнадцати лет дальше четвёртого класса не пошёл. Когда хлопец подрос, его взяли учеником в колхозную столярную мастерскую. И тут он не стал учиться. Зато, как и «верзила», горазд выпить, затеять скандал в клубе, похулиганить на улице. Оба, как это ни странно, состоят в колхозной комсомольской организации. Есть у них, как и у Тольки, занятие по душе: цепляться на колхозные автомашины, идущие с продукцией в разные города. В дороге проводят по нескольку дней, в результате остаются в «барышах» — есть на что выпить, «вдохновиться» на очередной дебош...

Бывали, да и теперь ещё есть такие случаи, когда парни и девушки, окончившие семи- и десятилетку, увиливают от общественного полезного труда, оставаясь нахлебниками родителей. А те из них, которые не выдержали конкурса при попытках поступить в институт или техникум, кроме того, нередко разочарованно вопрошают: «Тогда зачем же столько учиться?» Такую, например, позицию заняла комсомолка Таисия.

Было над чем задуматься не только педагогам, но и председателю колхоза «Россия» Николаю Фадеевичу Лыскину! Мимо такого не пройдёшь: находятся такие парни и девушки, выросшие в станице, вскормленные артелью, учившиеся на народные средства, что выказывают равнодушие, а то и откровенное пренебрежение к родному колхозу — гордости своих отцов и матерей. В глазах некоторых из них труд земледельца является чем-то унижительным для человека, получившего образование, слишком якобы «чёрным», и они покидают станицу, чтобы на стороне приобрести какую-нибудь профессию «почище». Работа в колхозе, специальности механизаторов сельского хозяйства им кажутся неинтересными. Они считают, что труд на пашнё или ферме не требует даже основательной грамотности.

Встречи с такими молодыми жителями станицы заставили работать мысль Николая Фадеевича Лыскина в том направлении, что тут мало одних уговоров-увещаний, что нельзя ограничиваться «голыми» упрёками в адрес школы и комсомола за промахи и упущения в воспитании подрастающего поколения.

Раздумье по поводу широких многолетних наблюдений и личный жизненный опыт подсказали Лыскину, что детям пораньше следует давать настоящее дело в руки, приучать их с уважением относиться к любой работе, а школа должна не только знакомить с основами наук, но, прежде всего, учить детей труду и для труда.

Григориполисцы — запевалы многих славных дел: первая в стране комплексная бригада. Примерная организация производства. Первая в стране колхозная механизированная птицеферма. Промышленный механизированный свинооткорм. Образцовые молочные фермы. Сколько захватывающей романтики в труде хлебороба и животновода! Именно творческий дух, инициатива, ставшие стилем колхозной жизни, выдвинули это артельное хозяйство в число передовых. В колхоз «Россия» за бесценным опытом приезжали и дорогие друзья издалека — китайцы, корейцы, немцы, поляки, чехи, румыны, болгары, венгры.

Большие знания нужны теперь труженикам деревни, чтобы уверенно вести хозяйство в гору, повышать благосостояние колхозников. Во главе колхоза «Россия» не просто дотошный хозяйственник, а специалист с высшим зоотехническим образованием Лыскин. Бригадиром трудятся молодые люди, недавно окончившие институты, но уже хорошо зарекомендовавшие себя на работе: зоотехник Яков Чумачев, агроном Геннадий Коновалов. Десятки знатоков сельского хозяйства трудятся в МТС, на колхозной опытной станции. Грамотность нужна всем! В 1954 году, например, колхоз, приступая к строительству птицефабрики, выдвинул неременное условие: только лица, имеющие образование не ниже семилетки, могут быть зачислены в штат птичников. По такому же принципу подбираются кадры и для работы на молочной ферме и пункте свинооткорма. Эти факты показывают, в каком направлении идёт обновление облика труженика социалистического сельского хозяйства. Значит, и трактористу, и доярке, и комбайнеру, и чабану, и шофёру, и полеводу, и электрику, и садоводу, и слесарю, и овощеводу нужны большие знания. Без этого невозможно развивать колхозное производство.

К таким выводам пришёл Лыскин, обдумывая создавшееся в станице положение.

К этому же заключению, но с другой стороны, одновременно подходил и опытный педагог — завуч Григориполисской средней школы Борис Константинович Смирнов. Ясно, что в сельском хозяйстве с каждым днём всё больше внедряются новые машины, новые агрономические приёмы. Естественно, без знаний техники и агрономии, без умения практически применять их теперь уже нельзя работать ни в какой отрасли колхозного производства. Да можно ли вообще человека считать в наши дни сколько-нибудь образованным, если он не разбирается в основах техники?

С этими мыслями в начале прошлого года завуч и зашёл к председателю колхоза.

— К нашим двум гектарам пришкольного участка хорошо бы прирезать массив побольше, чтобы можно было механизировать трудовые процессы и таким путём, как говорится, соединить теорию с практикой,— сразу беря «быка за рога», начал разговор Смирнов.— А то ведь наши школьники на практике знакомятся исключительно с ручным трудом и только на маленьких делянках. Может быть, поэтому им кое-что кажется неинтересным...

Лыскин очень внимательно выслушал Смирнова. Но явно не спешил с ответом. Чего-чего, а земли в колхозе предостаточно! В пойме Кубани рядом с пришкольным участком ещё десятки гектаров «гуляют». Прирезать к пришкольному участку несколько гектаров можно. Но Лыскин думал о другом:

— А не организовать ли нам, Борис Константинович, специальную школьную бригаду? Земли в колхозе двадцать две тысячи гектаров... Пусть ребята не на деляночках копаются, а трудятся по-настоящему на просторном массиве! И не лучше ли будет, если учащаяся молодёжь станет работать на общих колхозных основаниях? Я думаю: надо пустить в ход рычаги материальной заинтересованности. То есть по-серьёзному подойти к государственной проблеме.

И в решении этого вопроса проявился дух коллективного творчества, который породил и все другие новшества. Конечно, такой вопрос, как улучшение системы трудового воспитания школьников, с хода не решишь. Без промедления он был перенесён на большое совещание представителей школы, колхоза, МТС.

Разные толки были. Но прежде всего хочется отметить, что в станице Григориполисской живёт и трудится не мало талантливых, обладающих широким знанием жизни людей, которые великое государственное дело воспитания детей взяли в свои руки, обнаружив при этом замечательное умение преодолевать трудности, встающие на пути к благородной цели. Одни предлагали создать звенья школьников во «взрослых» бригадах. Другие находили нужным, чтобы учащиеся старших

классов по своему усмотрению, как и прежде, в летнюю пору работали там, где им лучше. А когда было внесено предложение организовать специальную школьную бригаду, за него сразу же ухватились. В споре взяли верх сторонники школьной бригады. Они, собственно, предложили использовать уже готовую, проверенную временем форму организации труда в колхозе, и она как нельзя лучше отвечает задачам трудового воспитания школьной молодёжи. В этом случае школа, как и во время учёбы, не упускает из виду своих питомцев. Они в течение всего года продолжают оставаться в своём коллективе и под руководством учителей. Устраняется разобщённость учащихся, которая неизбежна при работе звеньями или в одиночку во «взрослых» бригадах. Преодолевается и односторонность в знаниях сельского хозяйства. Скажем, прежде многие школьники старших классов ежегодно в дни каникул принимали участие в полевых работах. Но, кроме хорошего, в этом был и существенный недостаток. Ребята выполняли лишь какую-то часть работы, которая без них начата и без них будет окончена. Ученики, например, возят зерно от комбайна на ток. А как оно выросло, они не знают. Это ограничивает их представление о колхозном труде, лишает систематических научных и практических знаний условий сельскохозяйственного производства, всего комплекса мероприятий по выращиванию растений, развитию животноводства.

Организация школьной комплексной бригады устраняет все эти недостатки и наилучшим образом обеспечивает политехническое образование молодёжи.

Прямо скажем: Григориполисская средняя школа и правление колхоза «Россия» нашли удачную форму трудового воспитания молодёжи.

7.

Ранней весной слухи подтвердились: школьная бригада начнёт своё существование в апреле.

«Примут ли меня в бригаду?— тревожился Анатолий.— Беда, если на комсомольском комитете припомнят прошлогоднее. Не видать мне «комсомольской путёвки»... А я хочу работать! Чем я хуже других? Второгодник... Могут и не принять. Неужели целый век будут думать обо мне по-старому? Страшно...»

Несколько дней Анатолий провёл в гнетущих колебаниях. За это время уже многие подали заявления. Желающих оказалось больше, чем было определено «штатным расписанием» школьной бригады: на 110 мест подано 159 заявлений. И многие уже имели на руках «комсомольские путёвки». Анатолий видел: отбор строгий. Двоечника и нарушителям дисциплины комсомольский комитет решительно отказывает. Вон Тамара не успевала по математике, а Маргарита — по русскому языку. Их не приняли. Девушки даже всплакнули. Но выход из создавшегося положения только один — надо лучше учиться. И заявление Михаила обсуждалось дольше обычного, хотя и по другому поводу. Все знали, что он опаздывал в школу, пропускал уроки, плохо «сидел» на занятиях, вообще вёл себя недисциплинированно. Однако учился хорошо. Ну и досталось же Михаилу! Нет, оказывается, комсомольскому комитету мало «4» и «5», он интересуется поведением. Старательно учиться — это похвально, но если при этом ученик нарушает школьные правила или проявляет замашки белоручек — такой ведь может вносить беспорядок в дела и жизнь бригады. Михаил ничего не мог возразить против такого довода. Ему оставалось только одно: заверить товарищей, что он «молниеносно» исправится. Отказали: сначала «подтянись», а потом уже проси «комсомольскую путёвку».

Анатолий, подавая своё заявление, боялся, что и его может постигнуть участь Михаила. Но этого, к счастью, не случилось. Комсомольский комитет подходил к делу не формально. Разве целое полугодие — недостаточный срок, чтобы убедиться: Анатолий по-настоящему серьёзно учится, стал хорошим общественником, примерно ведёт себя.

— Если у Анатолия дела так пойдут и дальше, то он будет хороший член бригады,— прочитав заявление, заключил секретарь комсомольского комитета Борис Полев.

— Есть предложение: Анатолию Любимому выдать «комсомольскую путёвку»,— и секретарь вручил Анатолию книжечку.

От радости не чувствуя ног, Анатолий помчался домой.

— Мама, мне дали «комсомольскую путёвку»! Вот слушай, что в ней написано: «Вручается настоящая «комсомольская путёвка» Анатолию Любимому, добровольно изъявившему желание и заслужившему хорошей учёбой и примерным поведением право работать в школьной бригаде». Мама, я — колхозник!.. Слышишь?

— Да не шуми ты,— утихомиривала сына Анастасия Алексеевна, но весело зазвеневший голос выдавал её радость.— Лучше расскажи, что ты будешь там делать. Сумеешь ли?

А вот об этом-то Анатолий меньше всего думал. В самом деле, что он будет делать в бригаде и сумеет ли? Вопрос матери не был праздным. Ведь ему, собственно, ещё не приходилось работать. Матери всё некогда, а детей она не хотела «отвлекать» от учёбы— их двор был забурьянен: ни деревца, ни грядки. Словом, Анатолий, семнадцатилетний парень, живя в станице, на колхозной земле, не имел ни малейшего понятия о сельском хозяйстве.

— Сумею, мама!— с ребяческой самоуверенностью заверил Анатолий.— Я ж упрямый...

Вид у Анастасии Алексеевны был такой, что она и после этого, должно быть, в чём-то сомневалась. И, похоже, не столько в том, что её сын—взрослый же парень!—не сумеет работать в поле, а скорее в другом: пойдёт ли ему труд в школьной бригаде на пользу? Заладил было посещать клуб, на танцульках растрачивал время и в учёбе отстал — появились двойки, остался на второй год. А теперь — работа! Во что всё это выльется? Придёт домой из бригады усталым —какое ж тут учение. Не лишняя ли это затея, школьная бригада?

— Я не против твоей работы,— произнесла Анастасия Алексеевна.— Откровенно скажу: боюсь я, что ты заработаешь... двоечки. Да и здоровьице у тебя, можно сказать, заячье... Вот что меня заботит.

То же самое говорили и другие матери. А некоторые из них даже специально приходили в школу, чтобы лично высказать возражения учителям. Пронёсся слухок, что даже кто-то из районного начальства не одобряет организацию школьной бригады... Правлению колхоза и педагогам школы пришлось немало потратить сил, чтобы отстоять своё детище. Им помогали и такие родители, как отец и мать одного из новых друзей Анатолия Николая Еломова. Они наказывали своему сыну: «Ступай, сынок, в бригаду, да смотри, чтоб всё было в аккурате... Работай так, чтобы на твоих родителей-колхозников никто пальцем не указывал».

Для Анатолия в конце концов важнее всего было то, что школьная бригада начала существовать и он в ней состоит. Его, как и всех других членов бригады, приняли в колхоз; ему сам председатель колхоза «Россия» Николай Фадеевич Лыскин на совместном заседании правления колхоза и педагогического совета вручил трудовую книжку колхозника.

— Двойки?— Анатолий упрямо передёрнул плечами.— Нет, уж этому не бывать! И от чего мне уставать? Работать мы будем в учебное время только по два часа. Ежедневно. Это на каникулах — всё лето — тогда уж по семь часов каждый день...

8.

И вот настала долгожданная весна. Выглянуло весёлое апрельское солнце. Тучный чернозём в пойме Кубани, пригреваемый ласковыми лучами, густо запарил. По ярам и балкам журчит вода. То тут, то там, точно опущённые первым снегом островки: цветут сады! Над ними стоит несмолкаемый гул пчёл. Потеплевший воздух наполнен запахами спелой земли и весенней сырости пойменного леса.

С кручи хорошо видна общая панорама поймы. Какой это живописный уголок! Между руслами реки и её протоками образовались песчаные косы, покрытые зеленеющим разнотравьем. По берегам прерывчатыми лентами тянутся рощи. К ним примыкают небольшие колхозные фруктовые сады.

Но спустившись с кручи в пойму, каждый удивится её запущенности. И просто не верится, что отведённое школьникам поле в двадцать два гектара долгое время оставалось бросовым, чуть ли не свалкой. Чего только не было на этой благодатной, но бесцеремонно изуродованной земле: бугры, разрытые ямы, кучи мусора...

Поле школьников почти что в станице. Очень удобно будет ходить на работу. Анатолий со своим звеньевым Сергеем Астаховым сколько раз прибежали к обрыву и любовались поймой. Скорей бы за дело!

В конце апреля бригада вышла на свой участок.

Бригадный горнист Василий Начинко, сверкая медью горна на ярком солнце, призывно затрубил над поймой: все — к труду!

Ребята собрались на опушке леса вокруг учительницы Калерии Алексеевны Пшеничниковой. Она, энергичная и весёлая комсомолка, педагогическим советом выделена воспитательницей бригады.

Больше всех, кажется, этому событию были рады Тамара и Маргарита, которых при первом обсуждении не приняли в бригаду. Девочки не сдались, проявили упорство, в четвёртой четверти освободились от ненавистных двоек, и при повторном рассмотрении их заявлений комсомольский комитет вручил им «комсомольские путёвки». Добились-таки своего!

Здесь же на опушке леса состоялась первая линейка.

— Ребята, наконец-то мы дождались дня, когда можем приступить к труду на участке своей бригады,— как-то особенно весело сказала воспитательница.— Без лишних слов — за дело! Давайте сделаем свой участок ровным, как стол...

По команде Нины Самойловой, девятиклассницы-бригадира, все десять звеньев принялись осваивать участок: разрывали бугры, очищали от мусора, заваливали ямы.

Вслед за звуками горна раздался рокот тракторов. Вскоре пустырь стал пашней. На свежую пахоту налетели грачи; они, важно, в одиночку разгуливая по чёрным, лоснящимся пластам чернозёма, лакомятся обильной добычей.

Все работы велись под наблюдением колхозного агронома Дмитрия Михайловича Воскресенского. Он — опытный специалист, лет двадцать работает в сельском хозяйстве. Его колхоз освободил от всяких других дел, чтобы он неотлучно находился в школьной бригаде и обучал подростков сельскохозяйственным наукам и практике. Человек он хорошо начитанный, умеющий рассказать, что сам знает.

В начале мая ребята приступили к севу. Посеяли по несколько сортов различных культур: кукурузы — четыре сорта, тыкв — шесть, арбузов — шестнадцать, помидоров — два, картофеля — шесть, клещевины — два. Нашли место и для подсолнечника, овса. Посадили капусту.

— А зачем столько сортов? — любопытно спросил Анатолий, обратившись к агроному Воскресенскому, когда тот рассказывал, как нужно сеять или высаживать сельскохозяйственные культуры.

— Это мы с вами будем выявлять, какой сорт на прикубанской земле может дать больший урожай,— поправляя очки, и без того прочно сидящие на крупном носу, объяснил агроном.— Надо высевать только лучшие сорта и тогда колхоз получит больше продукции. Ясно?

Отсеялись за несколько дней. После того у ребят появился уже другой интерес: каждый день нетерпеливые бегали на поле — появились ли всходы? Особенно тревожился Анатолий: вдруг не взойдут ни кукуруза, ни подсолнечник, ни овёс? А через несколько дней убедился: зря волновался. Взошли! И тут новое интересное открытие: трубочки кукурузы и «восьмёрки» подсолнухов вылезли на свет белый именно в тот день, какой заранее назвал агроном! Вот бы так и ему, Анатолию, знать сельское хозяйство.

Когда растения поднялись, настала пора избавить их от неприятного соседства сорняков, держать в рыхлом состоянии верхний слой пашни. Работы с каждым днём прибавлялось. И как раз в это время в школе начинались экзамены. Как совместить и то и другое?

Никто не знал — как. Опыт подсказал: совместить учёбу и труд очень просто — надо хорошо учиться и прилежно работать!

И это всем удалось.

9.

Работа в школьной бригаде обновила жизнь Анатолия. Теперь Анастасии Алексеевне не приходилось будить сына. Всё чаще случалось так, что он раньше её уходил из дому. Мать не верила своим глазам: Анатолий сам аккуратно прибирал свою постель и, сделав физкультурные упражнения, спешил к семи часам в бригаду. Там все собираются: и Сергей Астахов, и Николай Еломов, и Александр Карманский, и Евгений Колымагин. Их хочется видеть, неразлучно быть рядом—друзья! Все вместе — и душа на месте. Боевое звено! С ними и учиться, и работать весело... Тем более во время экзаменов. Разве обойдёшься в такие дни без бесед с приятелями? Обмен мнениями — ведь это такая хорошая помощь!

Анатолий и Сергей Астахов — неразлучны. Вот они идут по междурядьям кукурузы. Тяпками подсекают сорняки, рыхлят почву. Делают это они старательно и аккуратно, как наставлял агроном: знают, что бурьян отнимает пищу и влагу у кукурузы, а во взрыхлённую почву лучше проникает воздух. Ни единой травинки не остаётся в междурядьях. Почва как пух.

Друзья, разгорячённые и разрумяненные работой, на минуту распрямили спины, оперлись на тяпки.

— Ого, сколько отмахали!— удовлетворённо воскликнул Сергей. В его тоне чувствовалось, что он и сам удивляется, как это у него хватило терпения без отдыха столько сделать, да ещё такой «не мужской» работы, как прополка.— А я, знаешь, ни чуточки не заморился... А ты?

— Я как-то об усталости и не подумал. Не до этого...— задумчиво и, как всегда, медлительно отозвался Анатолий.—Завтра письменная по русскому... Знаешь, о ком хотелось бы писать? Отгадай... Хочется писать о Татьяне и Ольге Лариных. Вчера ещё раз прочитал «Евгения Онегина». Вот здорово написано! И ты знаешь, тянет писать о том, какие всё же разные бывают женщины...

— В этом деле так вот сразу и не разберёшься,— не зная, что ответить другу, неопределённо проговорил Сергей.

— Это с Пушкиным то не разобраться?— удивился Анатолий.— Да ты что? Тут даже маленькому понятно, что Татьяна и Ольга — это же не одинаковые совершенно... Какой ты чудной человек! Ясно же, Татьяна — это настоящая русская душа. А Ольга? Ольга—это уже другой характер: она, по-моему, ветреная кокетка, ни больше, ни меньше... Чего ж тут непонятного?

Сергей с изумлением смотрел на друга, даже рот приоткрыл.

— А ты, пожалуй, прав,—уступчиво заключил он.—Чувствую: хорошо у тебя получится. По себе знаю, когда в чём-нибудь хорошо разберёшься, то выходит как надо.

И у девочек та же заботушка — письменная работа по русскому языку. Звеньевая Алла Шаламова, полнолицая, с шустрыми глазами, рассказывала своим подружкам, как бы она писала о поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

— Какой величавый гимн русскому народу! Как любил Некрасов простых людей. Вот об этом так и хочется написать...

И сразу же наперебой заговорили девочки.

— Ты не забудь подчеркнуть, что Некрасов — певец революционного крестьянского движения,— подсказала весёлая и смуглая Аза Синякина, дочь директора МТС.

— Имей в виду, что он сильнее всех показал жизнь крепостных крестьян, — добавила Валерия Ладыгина, дочь директора школы.

— Так если обо всём этом писать, — сказала Алла, — то и тетради не хватит... И я хочу не из книжек переписывать, а сама написать.

Девочки не беспокоились за Аллу и давали ей советы на всякий случай. Она учится хорошо, справится с письменной работой.

В общей беседе, да ещё интересной, незаметно летит время.

— Теперь, девочки, снова за работу! — спохватилась Нина и первая встала. — А то вон мальчики, глядя на нас, чего-то смеются. Уж не думают ли они, что мы лодыри?

— Ой, опять работать, — пискливо протянула Аза Синякина. — У меня уже руки ноют...

— Аза, а ты скажи своему отцу, чтобы механизировал всю прополку, — посоветовала Валерия Ладыгина и последней поднялась с земли; как и Аза, она впервые работает в поле. — Твой же отец директор эмтээс...

Звеньевая, спокойно и умело действуя тяпкой, между делом наставляла подруг:

— Это от непривычки у вас такие слабые руки. А у меня нет ни мозолей, ни боли в руках... Я всегда дома помогаю матери.

В звене мальчиков работал Александр, сын преподавателя физики, на вид тщедушный паренёк, небольшого роста, и Евгений Колымагин, худенький и слабосильный. Ребята заметно отстали от своих товарищей.

— Давай поможем Шуре и Жене догнать нас, — предложил Анатолий.

— Пошли, — согласился Сергей.

Когда Анатолий и Сергей приблизились к Шуре и Жене, те с грустным видом сидели на земле и рассматривали на ладонях мозоли.

— Расселись! — упрекнул Анатолий ребят. — А вы поплюйте на мозоли и они не будут гудеть. У меня ладони как лужёные...

Ребята продолжали сидеть.

— Спина ноет... — начал было что-то объяснять Шура.

— Не пицать! — улыбаясь, произнёс Анатолий; он вспомнил девиз коммуны А. С. Макаренко «не пицать», что значило: не хныкать, не бояться трудностей, взялся за дело — выполни, смело двигайся вперёд в труде и учёбе.

Общими усилиями ребята выровняли фронт звена.

А перед тем как кончить работу и идти в школу, мальчики подошли к девочкам.

— А ну-ка, покажите свои достижения. Посмотрим, у кого чище сделано...

И пошли по междурядьям. Девочки вслед за ними. Их с десяток. Они весело смеются, говорят громко, все сразу:

— Не хуже вашего...

— То же контролёры нашлись!..

— Самозванное начальство заявилось...

Алла Шаламова всерьёз приняла проверку качества работы. Глядя на неё, и подруги приумолкли. Щёки звеньевой покраснелись.

— Пусть смотрят, — многозначительно сказала она. — А потом мы к ним пойдём и тоже посмотрим.

— Ага! — подхватили девочки. — Проверим у самих контролёров.

Анатолий приостановился.

— Мы не какие-то контролёры, — разъяснил он серьёзно. — Соревноваться нам нужно же?

— Ну так бы сразу и сказали, — блестя стёклами очков, скороговоркой выпалила Людмила Смирнова, поправляя на ходу золотистые волосы.

— А мы и говорим... побьём ваше звено! — выкрикнул расхрабрившийся Шура.

— Там видно будет, — возразила Аза. — Только запомните: наше звено будет на первом месте!

— Оно и похоже, — иронически отозвался Анатолий. — В рядках у вас вон сколько осталось травинок...

— А как же их тяпкой срубить, — оправдывалась Валерия. — Можно ведь и кукурузу срезать.

— Как? — переспросил Сергей. — Нагнись к сорняку да руками и выдерни.

— Только и всего, — поддержал Анатолий.

Алла Шаламова метнула строгий взгляд на подруг.

— Будем бороться за первое место! — неуступчиво повторила она. — Агроном скажет, у кого лучше...

— На то и соревнование, — одобрительно согласился Анатолий. — А чьё первое место будет, посмотрим...

...Сергей угадал: Анатолий за письменную работу, как и по другим предметам, получил хорошую оценку. Он без сучка, без задоринки переведён в девятый класс.

Стал лучше учиться не один Анатолий. Не оправдались опасения тех, кто во время формирования школьной бригады высказывался в том духе, что работа в поле может отрицательно сказаться на учёбе. Опыт показал, что ничего подобного не произошло. Наоборот, мальчики и девочки физически окрепли и добились больших успехов в учёбе.

О многом говорят, например, такие данные: в 1953—1954 учебном году среди комсомольцев Григориполиоской средней школы было 18 второгодников и 17 с перенесёнными на осень экзаменами, а в 1954—1955 учебном году только двое осталось на второй год и четверо имели переэкзаменовки. Резко уменьшился процент неуспевающих по школе: с 19 до 7,5.

Среди учащихся, трудившихся в школьной бригаде, не оказалось ни не сдавших экзаменов, ни второгодников.

10.

С летними каникулами обычно у ребят связывается счастливое время, когда можно досыта понырять в Кубани, поваляться на горячем песке и уж, конечно, наиграться в футбол. И вот начались каникулы. Нынче подростки из школьной бригады по-новому провели их. Ведь лето — это страдная пора в сельском хозяйстве. Теперь-то уж надо вести уход за растениями по-настоящему. Тем более, что лето выдалось никудышнее: ни одного дождя. Засуха! В таких условиях приходится надеяться только на труд и науку.

Летом почти все дни школьная бригада проводила на своём участке. Хорошо здесь было юношам и девушкам! Колхоз к этому времени успел выстроить бригадный стан. Как в сказке, словно из-под земли на недавнем пустыре появился многокомнатный дом с просторной верандой; в нём библиотека и читальня. Рядом — столовая и кухня. Чуть подальше — животноводческие постройки. Стан электрифицирован и радиофицирован. Ансамбль строений, их архитектура напоминают образцовые пионерские лагеря. Очень хорошо! Всё здесь новенькое, молодое, свежее: и сама бригада, и постройки.

Агроном Дмитрий Михайлович Воскресенский и учительница Калерия Алексеевна Пшеничникова неотлучно находились на полях школьной бригады. Учительница так увлеклась делами школьников, что отказалась от трудового отпуска, на всё лето осталась с ребятами. Частенько навещался сюда и один из инициаторов создания школьной бригады—завуч Борис Константинович Смирнов.

У молодых колхозников — так всё чаще в станице называют членов школьной бригады — выработался свой режим рабочего дня. Он пришёлся по душе всем ребятам.

Едва стрелки часов показывают шесть, дежурное звено выносит на веранду мощную радиолу, включает её, и пойма наполняется звуками музыки: мол, собирайтесь, друзья, в свою бригаду. И на эти звуки спешат молодые колхозники.

Рабочий день начинается с того, что кто-нибудь из дежурного звена поднимает флаг. К этому моменту мальчикам и девочкам надо успеть явиться на полевой стан.

В 6 часов 50 минут горн Василия Начинко играет сбор. Первым на линейку выходит само дежурное звено, к нему пристраиваются остальные. Здесь звенья получают наряды на работу. Тут; же агроном рассказывает о значении агротехнических приёмов, которые ребятам предстоит выполнить, и показывает, как лучше их применить. Что ни день, то новости... Ребята с горящими глазами тихонько слушают Воскресенского. Агрономия — это же очень интересная наука! Гибридизация, доопыление... С линейки звенья расходятся по местам назначения, где трудятся четыре часа.

Когда над поймой будто застывает знойное солнце, в наиболее жаркую пору дня — с 11 до 16 — устраивается перерыв.

Пять свободных часов! За это время ребята успевают многое сделать. Первым делом наперегонки бегут на протоку и сразбега бросаются в воду. Здесь Кубань, рассредоточившись по нескольким рукавам, течёт не быстро, а вода приятно-тёплая. Вскипает вода от движения множества тел. Сколько весёлых минут! Ребята — мастера на выдумки.

А полежать на горячем, чистом песочке? Здоровый загар покрывает тело. На песке валяются до дремоты. После этого можно и в футбол сразиться. Сергей Астахов только намекнёт, сразу две команды объявятся. До стадиона училища механизации—там настоящее поле с воротами — идти далеко. Но разве здесь, на бригадном стане нельзя устроить площадку? Мгновенно образуются четыре кучки туфель, кепок — вот тебе и ворота.

Кому же после этого есть не захочется? Времени, чтобы аппетитно пообедать и отдохнуть, остаётся ещё достаточно. После сытного обеда тянет прилечь на зелёной траве под прохладной сенью раскидистого клёна или высоченного серебристого тополя и почитать интересную книжку или свежий журнал, газеты. Немало набирается любителей послушать радио, сразиться в шахматы, побренчать на мандолине или гитаре.

А как только жара спадёт, возобновляется трёхчасовая работа на полях—с 16 до 19 часов.

Прямо с работы — на вечернюю линейку. Здесь подводятся итоги дня, называются передовые звенья и имена особенно отличившихся в труде школьников. Выдвигаются кандидатуры передовиков, портреты которых следует поместить на Доску почёта.

Первыми, по единодушному решению бригады, на Доске почёта побывали бригадир Нина Самойлова, звеньевые Сергей Астахов и Алла Шаламова, школьники Александр Воропаев, Таисия Гладкова, Валентина Рожкина, Нина Малышко, Валентина Колесникова, Светлана Авдеенко.

11.

В середине лета кукуруза и подсолнечник так поднялись, что лучших посевов во всём прославленном колхозе не сыщешь. Этим культурам ребята внимания уделили больше всего. Молодые колхозники много потрудились, ухаживая за растениями, как наставлял агроном.

Стебли кукурузы и подсолнечника вытянулись ростом в сажень. И каждому приятно сознавать, что всё это сделано своими руками. Мальчики и девочки на своём опыте убедились в пользе квадратно-гнездового сева: и за посевами удобнее ухаживать, и растения щедрее пользуются солнцем, водой, пищей, воздухом. Понятно, зачем нужна и прополка. Как стало ясно то, о чём столько раз в классах рассказывали учителя ботаники.

Школьники буквально подкарауливали: не покажутся ли где пырей или щирца, лебеда или свиной, сурепка или молочай. У ребят зоркие глаза: едва сорняк выглянет на белый свет, тут же его тупкой под корень... Только бурьян в то лето неохотно появлялся на поверхности. И ребята знали

почему. Сорняки, как объяснял агроном, ждали лучших условий, когда пройдут дожди и в земле будет достаточно влаги и пищи. А дождей всё лето не было. По этой причине звенья быстро справлялись с прополкой.

Между прополками выдавалось по несколько дней свободных. Чем их заполнить? Очень хорошо придумали: можно съездить куда-нибудь на экскурсию.

К бригадному стану подкатывал колхозный автобус и увозил ребят. Так они побывали в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске, Минеральных Водах. А кое-кому посчастливилось съездить и в Москву. Лучшие школьники-колхозники — Нина Самойлова, Николай Еломов, Нина Шуринова. Анатолий Бобровский и Алла Шаламова — посетили Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Путешествуя по краю, школьники смотрели теперь уже иными глазами на просторные ставропольские степи.

Юноши и девушки по пути с деловым интересом рассматривали поля, любопытствовали, где и что сеется и как растёт. И уж, конечно, с особенной придирчивостью приглядывались к кукурузе и подсолнечнику, сравнивали «чужие» массивы с посевами на своём участке.

Очень интересными были экскурсии. Друг за другом следовали сёла, станицы, хутора, города... А когда ребята возвращались домой, сколько новых впечатлений, сколько всяких приключений, сколько неожиданных знакомств! Шуточка — около тысячи километров проехали степными дорогами по родному краю.

После каждой экскурсии ребята чувствовали прилив новых сил. Разрастался и укреплялся интерес к сельскому хозяйству. И ещё сильнее проявлялось чувство ответственности за судьбу своей бригады.

12.

Анастасия Алексеевна очень довольна сыном, хотя и не говорит ему об этом: как бы не перехвалить, ещё начнёт воображать. Она видит, что всё идёт правильно. Главное: Анатолий хорошо перешёл в девятый класс. И всё лето на полезном деле. Но мать есть мать. И она как-то раз, когда Анатолий, запыхавшийся, пришёл домой пообедать, сказала ему:

— Устаёшь ты, сынок... Так за всё лето, Толик, и не отдохнёшь досыта. И у меня новая нагрузка образовалась: мне ведь твоих голубей приходится кормить. Забыл ты о них совсем...

Это Анатолий-то устал? А парень за лето так вытянулся, повзрослел, раздался в плечах. Крепыш! Даже походка степеннее стала. На округлившемся лице живо сверкают умные голубые глаза. А загорел как! Ну, просто подменили Анатолия. Мужчина.

И не один он такой. Это видела Анастасия Алексеевна. Товарищи его и учились лучше, и тоже окрепли. Шуру Карманского просто не узнать. Весной был слабенький, хилый. А теперь? В работе не отстаёт от больших. Загубели руки — тяпку не вырвешь. Парень стал смуглым, румянец заиграл на щеках. И Женя Колымагин, и Володя Филипцев такие же. А сам звеньевой Сергей Астахов, как спортсмен, подготовившийся к соревнованиям.

Девочки не отстали от мальчиков. Аза теперь сама просыпается и раньше директора МТС, отца своего, уходит в бригаду. Она ни за что не хочет отставать от бойкой звеньевой Аллы Шаламовой. И у Валерии Ладыгиной уж не гудят мозоли, и она, дочь директора школы, удивляется, как это можно было целое лето ничего не делать, когда работа в поле — это же прямо удовольствие!

Словом, Анатолий чувствовал себя прекрасно. А мать говорит об усталости!

— Я устаю? Да что ты, мама! — конфузясь от той мысли, что мать всё ещё считает его маленьким, отозвался Анатолий. — Я никогда так хорошо себя не чувствовал. А работа — я тебе скажу так: это настоящая физзарядка на свежем воздухе. И всегда с товарищами, учителями — разве это не интересно? Правда, не всегда легко... Но ты знаешь, когда много сделаешь — получаешь какое-то особенное удовольствие!

— Ещё бы! — согласилась Анастасия Алексеевна тем тоном, каким она говорит со взрослыми, как равная с равным.

— Год тому назад я мечтал работать, — продолжал Анатолий. — Ты понимаешь, не забавы я искал, хотелось делать что-то настоящее, как взрослые... А на пришкольном участке — там всё было, как бы тебе сказать, ну, вроде... детской игры. И в школу ходить охота пропадала. А теперь и учиться как-то увлекательно!

В середине лета бывший пустырь, лежавший между станицей и Кубанью, представлял собой пёструю картину: кукуруза, гордая своей высотой, величественно покачивала кудрявыми султанами; подсолнух уже обнажил золотистые лепестки своих роскошных цветков; дремучими зарослями поднялась суданская трава; капуста отливала серебром; переплелись разросшиеся кусты помидоров.

Станичники говорят:

— Добре хозяйнуют молодые колхозники!

Уборка первого урожая началась с косовицы суданки. А через несколько дней стали поспевать и помидоры. Об этом раньше всех по воле случая узнали Анатолий Любивый, Пётр Криволапов, Сергей Мазин, Алексей Щетинин. Они утром, идя на работу, неожиданно обнаружили среди обилия зелёных плодов, оттянувших к земле ветви, и один яркокрасный. Кто-то крикнул: «Смотрите, уже красные есть! А ну-ка, сколько их? Давайте поищем». Ребята рассыпались и углубились в массив. Зрелые помидоры попадались всё чаще. Трудно было удержаться, чтобы не попробовать. А Сергей и Алексей, как-то даже сами того не замечая, начали складывать за пазуху...

В этот момент с крутого яра в бригаду спускались агроном и учительница. Ребята, увидев их, ошалело припустились наутёк в гущу леса. Добежали до протоки и здесь, запыхавшиеся, притаились от «начальства». А когда отдышались, молча отворачивали друг от друга глаза: «Влипpli!»

— Что ж теперь будет?—сдрейфил Сергей.— Попались...

— Какие мы ещё дураки!—конфузливо проговорил Анатолий.— Ну как дети.

— Влетит нам как большим,— вставил Алексей.— Калерия Алексеевна будет снимать стружку...

Калерия Пшеничникова видела, как ребята побежали в лес. Издали она узнала только Анатолия. Что с ним? И агроном недоуменно развёл руками. Им и невдомёк было, что ребята охотились за спелыми помидорами.

—В чём дело, Анатолий?—спросила учительница, когда юноши, обескураженные, вышли из лесу.— Что это ещё за выходка?

Не легко ответить на такие простые вопросы: школьники ведь и сами толком не знали, что это — воровство или озорство? А отвечать учительнице они привыкли в бригаде честно. Ребята, ещё сидя у протоки, как будто нашли определение своему поступку, и сами же, не меньше учительницы, удивлялись тому, что случилось.

— Дурацкая канитель вышла...

— Расхищать общественное добро — это значит подрубать сук, на котором сами сидите,— учительница понимала, что это скорее всего проявление мальчишеского озорства, но с провинившимися говорила строго, каждому в отдельности растолковывала, что расхищение общественной собственности — это отвратительный пережиток прошлого.— Не унижайте себя неблагоприятными делишками.

Анатолий, рассказывая чистосердечно учительнице как было дело, про себя усмехнулся, это была прощальная улыбка уходящему детству.

На следующий день обнаружилось исчезновение копны суданки. Анатолий предложил организовать охрану бригадного урожая. И сам в первую ночь возглавил дежурное звено. А на зорьке наскочили на расхитителя: конюх сельпо преспокойно наваливал суданку на воз.

— Ты сеял, косил, что наваливаешь?— в один голос затараторили ребята.

— А вам какое дело?— Конюх «на басы» брал ребят, видимо, с целью припугнуть их.

— Мы контрольный комсомольский пост и охраняем урожай своей бригады,— выпалил Анатолий.— Это наше дело. Задержать вора!

— Да-к я думал, что суданка вам без надобности, так... для пользы учения,— уже слащаво улыбаясь, оправдывался струхнувший конюх, когда его со всех сторон обступили школьники.— Скотины в вашей бригаде не видать. А у меня пара лошадок вполне казённых...

— Сваливай на место!

— Это мы можем,— покорно согласился уже растерявшийся конюх.— Об одном бы я вас, хорошие вы мои, попросил: ни я вас не видал, ни вы меня... А?

Молодые колхозники вырастили, сберегли и убрали урожай. Школьная бригада по урожайности завоевала первое место в колхозе. Кукурузы по сорок четыре центнера с гектара, подсолнечника — по двадцать три, овса — по восемнадцать. Хорошо удались помидоры, капуста, картофель.

14.

В конце августа бригада праздновала день урожая. На линейке у флага выстроились школьники-колхозники. В стороне многочисленной толпой стояли родители, братья, сёстры. Пришли и инициаторы создания школьной бригады: Николай Фадеевич Лыскин и Борис Константинович Смирнов, учителя, работники МТС. Праздник начался рапортом бригадира председателю колхоза.

Взволнованно начала говорить Нина Самойлова; её звонкий голос рождал эхо, которое терялось далеко в лесу.

— Рапортует бригадир девятой комплексной школьной бригады колхоза. Задание правления колхоза и учителей школьники выполнили: выращен высокий урожай... Молодые колхозники в полной готовности приступить к занятиям в школе и продолжать работу на полях...

— Колхоз гордится результатами труда своей девятой бригады!—с чувством сказал Лыскин.— Вы первые в стране начали сочетать школьную учёбу с постоянным трудом в сельском хозяйстве и на деле доказали, что идёте по правильному пути. У вас будет много последователей... Правление постановило: построить для вас в бригаде колхозный Дом пионеров. Кроме того, выделяем вам одну автомашину. Дарим вам духовой оркестр... Теперь ваша бригада, сколотившись и окрепнув, может выходить на простор: ещё гектаров сто отведём вам земли в степи. Будете овладевать механизацией сельского хозяйства. А в новом году у вас будут и скотный двор, и свинарники, и птичник. Обзаведётесь садом, посадите свой виноградник. У вас будем испытывать всё новое и ваш передовой опыт будем передавать другим бригадам колхоза... Вы нам подскажите, какие лучшие сорта пшеницы, кукурузы, подсолнечника сеять, как лучше ухаживать за животными и птицей. Смотрим мы на вас, молодые колхозники, с надеждой: из вашей среды со временем выйдут трудолюбивые и знающие люди, руководители бригад, ферм, колхоза. Желаем вам дальнейших успехов в учёбе и труде!

«Так вот почему у нас много сортов,— подумал Анатолий.— И скот, и птица разных пород... С нас будут брать пример!»

Весело провели ребята свой первый трудовой праздник. Допоздна на веранде не умолкала радиоло.

...Анастасия Алексеевна пришла на бригадный стан.

— Это моя мама,— Анатолий с достоинством отрекомендовал будто помолодевшую от приятного волнения свою мать кладовщику.— Пшеницу мы уже получили... Прошу выдать ей причитающиеся мне на трудодни помидоры, капусту, картошку... Получай, мама!

Первый заработок — кто ж им не гордится!

Овощей, как и хлеба, причитается столько, что их хватит на семью до нового урожая.

15.

На первый урок в школу Анатолий явился одетый во всё новенькое, как говорится, «с иголочки». Добротные кожаные туфли, выутюженные суконные брюки и куртка из жёлтой кожи. Всё это куплено за свои деньги, заработанные в школьной бригаде. А хорошо чувствовать себя самостоятельным!

И глубокой осенью ребята трудились: в саду обрезали сучья, окапывали приствольные круги деревьев. Заодно Анатолий посадил и в своём дворе несколько яблонь, груш, абрикосов.

На усадьбе школы появился трактор «Универсал». В зимние месяцы ребята изучали мотор и систему управления машиной. Весной они будут работать «напарниками» у трактористов.

Анатолий, лучший класный староста, избран председателем учкома, а правление колхоза назначило его бригадиром школьной бригады (Нина Самойлова перешла в десятый класс, а десятиклассники освобождаются от больших поручений).

...Недавно Толька дал о себе знать: всё ещё ищет «подходящей должности». Попадались ему «хорошие» места, но там требуют диплом или стаж.

Анатолий теперь ясно видит, что поступил лучше своего бывшего дружка: у него будет и стаж и диплом. Правда, окончательно ещё не решил, куда пойдёт учиться после окончания десятилетки: в авиашколу, киноинститут или в сельскохозяйственный институт.

— Нина Самойлова решила стать агрономом,— размышляет Анатолий.— И мне что ли в сельхозинститут податься?

— Хорошее дело,— поддержала Анастасия Алексеевна.

И не без влияния школьной бригады у молодёжи станицы Григориполисской растёт интерес к сельскохозяйственному производству. Всё большее число выпускников средней школы идёт на работу в колхоз, а те, которые хотят продолжать образование, поступают, главным образом, в вузы, готовящие кадры для колхозов, совхозов и МТС. В 1954 году в Тимирязевку были приняты пять человек, а годом позже — девять.

...Школьная бригада вступила во второй год своего существования.